

DOI: 10.31857/S086919080020402-9

НЕ ТОЛЬКО ИНСТИТУТЫ: ЧТО СТОИТ ЗА ИЗМЕНЕНИЕМ ТРАЕКТОРИИ РОСТА ЭКОНОМИКИ ТУРЦИИ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.

© 2022

Н.Ю. УЛЬЧЕНКО ^а

^а– ИСАА МГУ, Москва, Россия, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0078-1199; ulchenko-n@rambler.ru

Резюме: В статье анализируются факторы замедления экономического роста Турции с начала второго десятилетия XXI в. И хотя зачастую к ним относят неблагоприятные тренды в развитии институциональной среды, не менее, а вероятно, и более существенным представляется сокращение объемов внешнего финансирования. Снижение темпов роста оказалось синхронизировано с сокращением объемов дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Последнее обстоятельство, в свою очередь, привело к некоторому снижению нормы инвестиций и более заметному сокращению уровня частного потребления, что, в конечном итоге, и обусловило замедление экономики.

Отмеченное замедление темпов роста в Турции можно рассматривать и как результат начавшегося погружения в «ловушку среднего уровня развития». Фактором, ранее обеспечивавшим рост, но оказавшимся исчерпанным к настоящему моменту, является не дешевая рабочая сила, как в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а доступное внешнее финансирование. Сокращение его объемов стало причиной сокращения частного потребления ниже уровня, который до последнего времени препятствовал скатыванию в «ловушку». Что касается препятствий на пути использования внешних источников в прежних масштабах, то к ним следует отнести недоверие инвесторов к прочности финансовой стабилизации в Турции в силу его необеспеченности необходимыми институтами, в частности, по контролю уровня бюджетного дефицита и предотвращению государственного вмешательства в действие рыночных механизмов, а также неосторожную, временами провокационную внешнюю политику Р.Т. Эрдогана. Таким образом, в основе замедления турецкой экономики – дефицит внешних капитальных вливаний, но он, в свою очередь, обусловлен институциональными факторами, в том числе внешнеполитическим (речь более идет об отсутствии необходимых институтов). С одной стороны, последнее обстоятельство делает формально обратимым процесс погружения Турции «в ловушку». С другой, возникает вопрос о продуктивности возврата к прежней модели роста.

Ключевые слова: Турция, факторы экономического роста, внешнее финансирование, дефицит по счету текущих операций платежного баланса, институциональная среда, «ловушка среднего уровня развития».

Для цитирования: Ульченко Н.Ю. Не только институты: что стоит за изменением траектории роста экономики Турции во втором десятилетии XXI в. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 111–123. DOI: 10.31857/S086919080020402-9

NOT JUST INSTITUTIONS: WHAT IS BEHIND THE CHANGE IN THE TRAJECTORY OF THE TURKISH ECONOMY GROWTH IN THE SECOND DECADE OF THE 21st CENTURY

© 2022

Natalia Yu. ULCHENKO^a

^a— Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University; Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID:0000-0002-0078-1199;ulchenko-n@rambler.ru

Abstract: *The article analyzes the factors of Turkey's economic growth slowdown since the beginning of the second decade of the 21st century. And although most often unfavorable trends in the development of the institutional environment are focused on, the reduction in the volume of external financing is probably no less significant. The latter circumstance led to a certain decrease in the rate of investment and noticeable reduction in the level of private consumption.*

The slowdown of growth rate can also be considered as a result of Turkey's start sliding into the "middle income trap". The factor that previously provided growth but is much exhausted by today is not cheap labor force as in many other countries, but easy coming external financing. Its decrease caused a reduction in private consumption below the level that until recently prevented sliding into the "trap". As for the main reasons of external sources shortage investors' distrust of financial stabilization in Turkey due to the lack of the necessary institutions, in particular this one to control the level of the budget deficit and state interference in the operation of market mechanisms, as well as the imprudent, sometimes provocative President Erdogan's foreign policy should be mentioned. Thus, the slowdown in the Turkish economy is based on a shortage of external capital inflow, caused in turn by institutional factors. The latter circumstance makes the process of immersion "into the trap" formally reversible. Still there is a question about the productivity of returning to Turkey's previous model of economic development.

Keywords: Turkey, factors of economic growth, external financing, balance of payments current account deficit, institutional environment, "middle income trap".

For citation: Ulchenko N.Yu. Not Just Institutions: What is behind the Change in the Trajectory of the Turkish Economy Growth in the Second Decade of the 21st Century. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 111–123. DOI: 10.31857/S086919080020402-9

С 2002 г. в Турции правит Партия справедливости и развития (ПСР), главой которой является действующий президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган. В первый период правления ПСР основные экономические ассоциации были связаны с феноменом быстрого роста страны. Однако с начала второго десятилетия XXI в. и до сегодняшнего дня преобладающим лейтмотивом в оценке экономического развития Турции стало замедление темпов роста (см. табл.1).

Наиболее часто охлаждение турецкой экономики связывают с усилением авторитарных тенденций в политике Р. Эрдогана и утратой институциональной среды, благоприятствующей экономическому росту. Тогда как в качестве источника наблюдавшегося ранее в Турции роста рассматриваются появление и деятельность более качественных, современных институтов (результатов реформ), прежде всего в том понимании, которое сложилось сегодня на Западе. В этом смысле показательна работа Дарона Аджемоглу, написанная в соавторстве с Муратом Уджером «Подъемы и спады турецкого роста, 2002–2015: политическая динамика,

Таблица 1.
Основные показатели макроэкономического развития Турции в 2001–2020 гг.

	2002	2004	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Темпы роста ВВП (в базовых ценах 1998 г.*)	6,1	9,5	6,9	0,7	-4,7	9,2	8,8	2,1	4,2	2,9	6,1	3,2	7,4	2,6	0,9	1,8
Дефицит бюджета /ВВП (%)	11,2	7,1	0,6	1,8	4,8	3,6	1,4	2,1	1,2	1,3	1,0	1,1	1,5	2,0	2,9	3,4
Профицит первичного бюджета** /ВВП (%)	4,3	6,1	5,4	3,5	0,1	0,7	1,9	1,4	2,0	1,6	1,3	0,8	0,3	0,0	-0,6	-0,8
Среднегодовой уровень потребительской инфляции (%)	45,0	8,6	9,7	10,4	6,3	8,6	6,5	8,9	7,5	8,9	7,7	7,8	11,1	16,3	15,2	12,3
Дефицит по счету текущих операций (млрд долл.)	0,6	14,4	31,9	39,4	11,4	44,6	74,4	48,0	55,8	38,8	27,3	27,0	40,8	21,7	-6,7	36,7

*Для 2015 и 2016 гг. оценка произведена на базе 2009 г.

**Соотношение доходов и расходов бюджета без учета выплат по обслуживанию государственного долга. Таким образом, профицит формирует реальный, то есть не связанный с новыми займами, источник обслуживания госдолга.

Составлено и рассчитано по: [İstatistiktegereler 1923-2008, s. 599, 644, 646, 693, 753, *EkonomikRapor* 2005, s.79; *EkonomikRapor* 2006, s.78; *EkonomikRapor* 2009, s. 78, 135; *EkonomikRapor* 2010, s. 89, 144; *EkonomikRapor* 2012, s.131, 206; *EkonomikRapor* 2014, s. 109, 185; *EkonomikRapor* 2016, s. 34, 113, 199; *EkonomikRapor* 2018, s.131, 219; *EkonomikGörünüm*. Mart 2021. s.4 https://ticaret.gov.tr/data/5e18288613b8761dcd355ce/Ekonomik%20Görünüm_Mart_2021.pdf].

Европейский Союз и институциональный спад». Авторы выделяют довольно ограниченный период высоких темпов роста при ПСР с 2002 по 2007 г. Дальнейший полет был прерван глобальным кризисом 2008 г., приведшим к глубокому спаду в турецкой экономике в 2009 г. Основными факторами роста Турции после 2001 г. считаются инициированные МВФ структурные реформы, позволившие взять под контроль бюджетный процесс и снизить инфляцию, прекращение практики вмешательства турецкой армии в политический процесс, потепление отношений с ЕС и позитивный настрой к перспективам дальнейшей евроинтеграции на фоне продолжения политических и экономических реформ. Соглашаясь, что пятилетний срок наблюдений за развитием экономики, возможно, недостаточен и не стремясь убедить всех скептиков институционального подхода, авторы, тем не менее, утверждают, что если бы не obstruction институциональных реформ, экономический рост в Турции мог бы продолжаться без сползания в его низкачественную фазу, как это случилось после 2007 г. [Acemoglu, Ucer, 2015].

Отчасти предположительный подход Д. Аджемоглу и М. Уджера трансформировался в более категоричный в опубликованной Европейским отделением Центра Карнеги работе Марка Пирины и Франческо Сиккарди «Почему Евросоюзу и США следует переосмыслить свою политику в отношении Турции в 2021 г.»: «Главенство закона в общей системе устройства Турции постепенно ослабло, а ее экономика страдает от нелепой политики и многих лет кумовства» [Pierini, Siccardi, 2021, p.1].

Ником образом не претендуя на опровержение институционального подхода, хотелось бы предложить более широкий взгляд на проблему замедления роста в Турции, который будет учитывать одновременно и его более традиционные факторы, остающиеся значимыми, наряду с модернизацией институциональной среды.

Первоначально речь пойдет об альтернативных или дополнительных драйверах роста Турции в период ПСР, а затем – о формах их взаимодействия с институциональной трансформацией.

Суть экономической политики ПСР заключалась в достижении компромисса между курсом на финансовую стабилизацию (после пережитого Турцией в 2001 г. очередного глубокого финансово-экономического кризиса основные показатели все еще оставались на уровне, близком к критическому (см. табл.1)), и более или менее активной социальной политикой, что должно было обеспечить сохранение политического лица партии как происламской.

К парламентским выборам 2007 г., ПСР подошла с убедительными экономическими результатами. Заметно сократился бюджетный дефицит (см.табл.1). Впервые за последние три с лишним десятилетия экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, «выражавшихся однозначной цифрой» (так турецкие власти формулируют установку на снижение инфляции ниже 10%-ного уровня). Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие среднегодовые темпы роста: в 2003–2007 гг. – 7,3% (подсч. по данным табл.1).

В годы глобального экономического кризиса макроэкономические показатели ухудшились. Так, по итогам 2009 г. темпы роста были отрицательными (см. табл. 1).

В 2010–2011 гг. в стране наблюдалось уверенное послекризисное восстановление на фоне темпов роста около 9% (см.табл. 1). По итогам 2010 г. рост экономики Турции оказался самым значительным среди стран ОЭСР.

Какие механизмы позволили правительству ПСР достичь успехов? Произошло заметное оздоровление бюджетной политики – объем бюджетного дефицита претерпел заметное и устойчивое снижение (см. табл.1). Поддержание относительной сбалансированности между государственными доходами и расходами правительство обеспечивало посредством, во-первых, удержания на сравнительно низком уровне инвестиционных расходов – менее 10% от их общего объема. Во-вторых, важным позитивным сдвигом в использовании

бюджетных средств стало неуклонное и при этом весьма значительное сокращение доли, приходившейся на процентные выплаты по госдолгу, с 41% в 2003 г. до 5,7% в 2016 г. (см. подр.: [Ульченко, 2018, с. 236–237]). Добиться этого удалось в результате применения стратегии постепенной, но неотступной стабилизации системы государственных финансов посредством устойчивого поддержания профицита первичного бюджета.

Новым важным приоритетом в бюджетных расходах, во многом заместившим инвестиционную деятельность государства, стали различные виды социальных выплат.

Инвестиции в промышленность оказались передоверены частному сектору, активность которого во многом опиралась на обеспеченную властями финансовую стабильность. При этом норма инвестиций повысилась с 20% в 2002 г. до 28% в 2007 г. (см. табл.3). В итоге в условиях заметного оздоровления бюджетной политики и доминирования частного сектора в качестве инвестора Турции удавалось поддерживать довольно высокие темпы роста.

Но в 2012 г. экономика Турции вступила в период заметного снижения темпов роста. Чтобы ответить на вопрос о причинах, следует проанализировать те проблемы, которые все же омрачали картину экономического развития страны в так называемые успешные годы, а заодно и более полно выявить совокупность использовавшихся драйверов роста.

С начала 2000-х гг. в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В 2002 г. он имел более чем скромные значения – около 0,6 млрд долл. Неуклонно повышаясь, к 2011 г. он достиг своего исторического максимума, превысив 75 млрд долл. (см. табл.1), что соответствовало более 10% ВВП страны.

Наиболее активно привлекал средства турецкий частный сектор, превратившийся в держателя основной части внешней задолженности страны – порядка 70% ее совокупного объема [Ульченко, 2018, с.242]. В итоге турецкие компании-должники оказались прочно привязанными к международному финансовому рынку. Эта зависимость усугублялась тем обстоятельством, что значительная часть заемных средств приходилась на краткосрочные займы – не менее трети.

Успешно привлекать значительный объем капитала с внешних рынков Турции удавалось за счет сравнительно высоких процентных ставок. Притягиваемый высокими доходами спекулятивный краткосрочный капитал охотно приходил на турецкий рынок, обеспечивая повышение курса национальной валюты.

Внешнее финансирование позволяло повышать норму инвестиций, одновременно сохраняя высокий уровень внутреннего потребления, о чем свидетельствует то обстоятельство, что рост дефицита по счету текущих операций происходил на фоне довольно заметного снижения нормы сбережений (см. табл. 2).

Таблица 2.
Норма сбережений в Турции (% от ВВП, текущие цены)

1997	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
19,4	19,3	17,8	19,3	16,6	16,8	16,5	17,2	15,9	17,4	13,8	14,0	14,9	15,0	14,1	15,8

Подсчитано по: [База данных Турецкого статистического общества].

Для сравнения: для группы стран со средневысоким доходом, куда по классификации Всемирного банка входит Турция, средний уровень нормы сбережений составил в 2013 г. 31% [World Bank Open Data. 2013].

На фоне роста доступности средств с внешних рынков в стране наблюдался бум потребительского кредитования: в 2010–2011 гг. объем выданных турецкими банками потреби-

тельских кредитов возрастал ежегодно не менее, чем на треть [*Bankalarımız* 2009, s. I-39; *Banks in Turkey* 2010, p. I-39; *Banks in Turkey* 2011, p. I-41.]. Кредитная экспансия совпала с взрывным ростом потребления по некоторым видам товаров длительного пользования. Так, по сравнению с 2006 г. к 2014 г. доля населения, владевшего компьютерами, выросла более, чем в три раза, а автомобилями – почти в полтора [*Türkiye İstatistik Kurumu*, 2016]. Таким образом, в 2000-е гг. при относительно сбалансированном бюджете источником роста инвестиций (как, впрочем, и потребления) в значительной мере оказались зарубежные займы частного сектора, о чем свидетельствует низкий уровень сбережений, отстававший на несколько процентных пунктов от уровня инвестиций (см. табл.3).

Снижение бюджетного дефицита – основы формальной финансовой стабилизации – сопровождалось заметным разрастанием дефицита по счету текущих операций. В итоге привязка к внешним финансовым рынкам как предопределяющему условию роста оказалась еще более жесткой, чем в 1990-е гг.

Таким образом, более подробный анализ макроэкономического развития Турции позволил оценить состояние национальной экономики как квазистабильзацию: проблема нехватки средств для развития на собственной основе сместилась из государственного сектора в частный. То есть, изменилась лишь локализация уязвимых точек, но не была решена проблема их устранения. Поэтому снижение дисбаланса в сфере госфинансов не означала обретения экономикой страны прочного структурного равновесия, а высокая зависимость от готовности внешних рынков предоставить необходимый объем финансирования сохранялась.

В силу значительной привязки развития к внешним источникам финансирования для турецкой экономики прослеживается четкая корреляция между темпами роста и величиной дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Сокращение объемов использования внешних источников финансирования тесно связано со снижением темпов роста (см. рис.1).

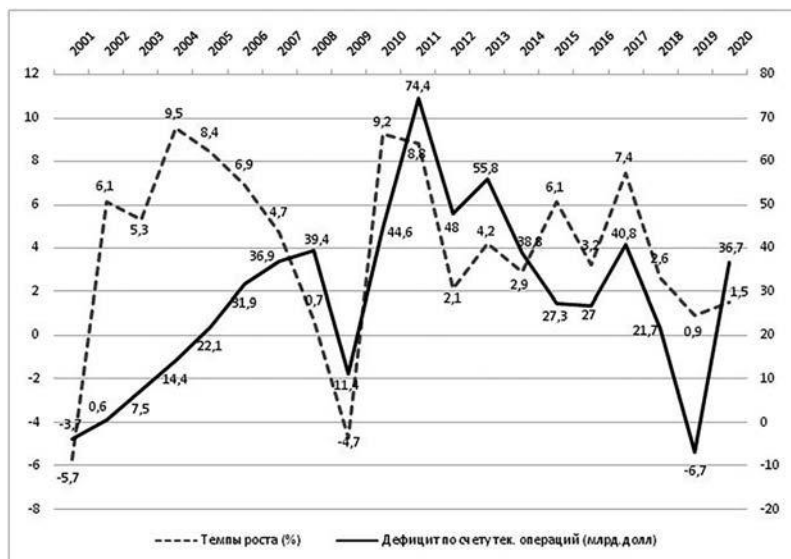

Рисунок 1. Темпы роста и объем дефицита по счету текущих операций платежного баланса Турции

Поэтому предreshающим обстоятельством снижения темпов роста в турецкой экономике в 2010-х гг., на наш взгляд, стало именно сокращение объемов использования критически важного для нее внешнего финансирования, мерой которого и выступает сократившийся дефицит по счету текущих операций платежного баланса (см. табл.1 и рис.1).

Попробуем обнаружить доказательства предлагаемой версии замедления турецкой экономики, проанализировав изменения структуры ВВП по использованию (см. табл.3).

Таблица 3.
Динамика отдельных статей в структуре ВВП Турции
по использованию (% , текущие цены)

	Частное потребление	Частное потребление 1 (по более ранним версиям структуры ВВП)	Государственное потребление	Суммарное потребление	Инвестиции в основной капитал (I)	Сбережения (S)	S-I	S-I 1 (по более ранним версиям структуры ВВП)
1998	64,5		10,6	75,1	23,7	24,9	1,2	...
1999	66,3	68,5	12,7	79,0	19,9	21,0	1,1	0,4
2000	67,1	70,5	11,9	79,0	22,1	21,0	-1,1	-2,5
2001	64,9	68,4	12,6	77,5	18,1	22,5	4,4	...
2002	63,9	68,0	12,9	76,8	19,3	23,2	3,9	2,6
2003	65,1	71,2	12,6	77,7	20,5	22,3	1,8	-0,7
2004	64,3	71,3	12,3	76,6	25,2	23,4	-1,8	-3,5
2005	63,3	71,7	12,2	75,5	26,4	24,5	-1,9	-3,2
2006	61,8	70,5	13,0	74,8	28,4	25,2	-3,2	-5,7
2007	61,8	71,3	13,5	75,3	27,9	24,7	-3,2	-5,5
2008	60,9	69,8	13,6	74,5	26,7	25,5	-1,2	-2,5
2009	61,4	71,5	15,7	77,1	22,2	22,9	0,7	-3,1
2010	62,6	71,7	14,9	77,5	24,5	22,5	-2,0	-4,9
2011	62,7	71,2	13,7	76,4	27,6	23,6	-4,0	-6,9
2012	61,8	70,2	14,1	75,9	27,0	24,1	-2,9	-5,3
2013	61,2	70,8	14,1	75,3	28,3	24,7	-3,6	-6,2
2014	60,1	68,9	14,1	74,2	28,8	25,8	-3,0	-4,3
2015	59,9	60,4	13,8	73,7	29,5	26,3	-3,2	...
2016	59,2	59,8	14,7	73,9	29,1	26,1	-3,0	...
2017	58,4	...	14,4	72,8	29,9	27,2	-2,7	...
2018	55,9	...	14,7	70,6	29,8	29,4	-0,4	...
2019	56,5	...	15,6	72,1	26,0	27,9	1,9	...
2020*	42,7	...	11,5	54,2	20,1	45,8	25,7	...

Составлено и рассчитано по: [İstatistik Göstergeler 1923–2011, s.748; Türkiye İstatistik Kurumu, https://tuikweb.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105 (accessed_15.06.2021); Ekonomik Rapor 2017, s.34].

*2020 г. – оценочные данные.

Прежде всего обратим внимание на расхождение в данных о доле сбережений по данным табл. 2 и 3. Это обусловлено тем, что расчеты табл. 2 произведены по более ранним сведениям национальной статистики о структуре ВВП по использованию в текущих ценах, пересмотренным позже, как нам представляется, не без учета политической конъюнктуры. Впрочем, данные обеих версий не меняют общие выявленные тренды развития экономики Турции, хотя расчеты, произведенные по более поздним данным, в значительной мере их смягчают, свидетельствуя, например, о гораздо более скромных запросах турецкой экономики на внешнее финансирование (см. для сравнения столбец «S-I 1 (по более ранним версиям структуры ВВП)» табл. 3). Обращают на себя внимание следующие особенности. Во-первых, после 2011 г. ожидаемо наблюдалось сокращение разницы между сбережениями и инвестициями, статистически равной величине дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Во-вторых, начиная с 2012 г. происходило довольно устойчивое и заметное сокращение частного потребления – к 2019 г. на 5 процентных пунктов, а в кризисном 2020 г. – чуть ли не на 20. Государственное потребление оставалась на довольно стабильном уровне, продемонстрировав лишь незначительное повышение с 2015 г. – менее, чем на 1 процентный пункт. Норма инвестиций, что является не вполне ожидаемым результатом, продемонстрировала выраженное падение лишь, начиная с 2018–2019 гг. Но следует обратить внимание на снижение поквартальных темпов ее роста до 5–25% по сравнению с первым десятилетием XXI в., когда за ряд кварталов фиксировались значения в 40–60% [Türkiye İstatistik Kurumu, 2021].

Следовательно, более существенное значение снижение относительных объемов внешнего финансирования имело не только и не столько для сокращения предложения, сколько для спроса внутреннего рынка.

Итак, прослеживается довольно четкая причинно-следственная связь между сокращением объемов внешнего финансирования, падением уровня частного потребления, замедлением наращивания инвестиций и, в конечном счете, – снижением темпов роста турецкой экономики в 2010-х гг.

Таким образом, можно предположить, что Турция по структурным экономическим характеристикам вплотную приблизилась к сползанию в так называемую ловушку среднего уровня развития, которое сдерживал значительный объем использования внешних источников финансирования.

Под термином «ловушка среднего уровня развития» подразумевается длительное снижение темпов роста после периода активного развития, обеспечившего стране выход на среднемировой уровень. Предположение, касавшееся Турции, основывалось на достижении ею значений соответствующих экономических показателей, которое согласно эмпирическим данным предшествует наступлению момента сползания в ловушку. Как свидетельствуют данные исследований, снижение темпов роста наиболее вероятно при выходе страны на уровень ВВП на душу населения, исчисленного по паритету покупательной способности в текущих ценах, в 15 тыс. долл. [Eichengreen et al., 2013]. По данным Всемирного банка, в 2014 г. соответствующий показатель для Турции составил чуть более 19 тыс. долл. [World Bank Open Data, 2014]. С другой стороны, считается, что пик роста, за которым следует спад, приходится на момент, когда уровень занятости в обрабатывающей промышленности страны достигает 23%. В Турции по состоянию на 2014 г. доля занятых в промышленности, включая строительство и добывающие отрасли, составила 28% [Ekonomik Rapor 2014, s.173], что опять же свидетельствует о прохождении выявленной критической точки. Но, во-первых, сами авторы, идеи «ловушки среднего уровня развития», признают, что не существует «железного закона спада». Допуская довольно высокую меру стандартного отклонения значения ВВП на душу населения от медианы, они признают возможность существенного вмешательства различных факторов влияния [Eichengreen, 2012, p. 411–412].

Во-вторых, средние значения сами по себе, очевидно, не могут обладать каким-либо магическим свойством, а сопряжены с определенными тенденциями в развитии экономики, как правило, проявляющимися при их достижении. По мнению авторов идеи «ловушки» решающее значение принадлежит изменениям на рынке труда, а именно исчерпанию возможности поддерживать развитие промышленности за счет притока дешевой рабочей силы из сельской местности. Момент, когда «резервуар скрытой сельской безработицы оказывается исчерпан», представляет собой своего рода поворотную точку развития, после прохождения которой неизбежно повышение реальной заработной платы и обусловленное им падение доли занятых в промышленности. [Eichengreen, 2012, p. 412].

Подобная система взаимосвязей более или менее верна для стран Юго-Восточной Азии, с характерным для них опытом довольно позднего перехода к демократии и длительного периода удержания под давлением власти уровня заработной платы.

Но специфика социально-экономической модернизации в Турции заключается в сравнительно раннем по сравнению со странами Восточной и Юго-Восточной Азии переходе к росту заработной платы в промышленности ввиду более позднего перехода к стратегии экспортоориентированного развития. Более длительное пребывание в стадии импортозамещения, которое, с одной стороны, предопределялось емким рынком сбыта, а, с другой, нуждалось в нем, обусловило начало роста заработной платы в промышленности задолго до момента «осушения резервуара дешевой рабочей силы». Национальная индустрия развивалась, опираясь на высокий уровень внутреннего потребления, которое удавалось поддерживать и за счет использования внешних источников финансирования.

С конца 1980-х гг. после почти десятилетия активных усилий по наращиванию экспорта и снижению реальной заработной платы Турция вновь обратилась к стратегии расширения внутреннего рынка, а удельный вес частного потребления в ВВП начал расти, создавая дополнительные возможности для роста национальной экономики.

Исходя из опыта Турции, можно предложить более широкую трактовку феномена «ловушки среднеразвитости» как результата исчерпания различных видов источников роста, ранее являвшихся изобильным. И если для стран Восточной и Юго-Восточной Азии это действительно был дешевый труд, то для Турции, в силу особенностей социально-экономической политики, в сравнительно меньшей мере полагававшейся на использование этого конкурентного фактора, такого рода ранее доступным, но теперь оказавшегося ограниченным ресурсом стали внешние источники финансирования.

Как отмечают авторы концепции «ловушки», вероятность попадания в нее сокращается при значительном уровне внутреннего потребления: «Вероятность спада минимальна при доле потребления (частного. – Н.У.), составляющей 60% ВВП» пишет Б.Эйчэнгрин [Eichengreen, 2012, p.412]. На протяжении первого – части второго десятилетий XXI в. в Турции относительная емкость внутреннего рынка оставалась весьма внушительной, особенно если принять во внимание более раннюю официальную статистическую версию структуры ВВП, согласно которой, начиная с 2003 г., уровень частного потребления почти постоянно превышал отметку в 70%. Актуальная на сегодня официальная статистическая версия оперирует более скромными данными, но и согласно им данный показатель оставался выше 60% на протяжении 2000-х и в начале 2010-х гг. При этом обе версии более или менее согласованно свидетельствуют о начавшемся после 2012 и особенно заметном с 2014 г. процессе снижения удельного веса частного потребления в ВВП – ниже критической отметки, препятствующей скатыванию в «ловушку». Но в более ранней статистической версии это снижение выглядит особенно драматичным (табл.3).

Таким образом, можно рассматривать снижение темпов роста Турции после 2012 г. как начавшийся процесс погружения в «ловушку среднего уровня развития» на фоне сниже-

ния уровня частного потребления, обусловленного таким предпрешающим фактором, как сокращение объемов использования внешних источников финансирования.

Но тогда встает вопрос о причинах «исчерпания» прежде избыточного ресурса поддержания роста, возможности их устранения или иных возможных путей выхода из «ловушки».

Причины колебаний в объемах поступающего на турецкий рынок от иностранных инвесторов финансирования, на наш взгляд, можно разделить (впрочем, весьма условно в силу их взаимопереплетения) на экономические, точнее политэкономические, и внешнеполитические.

К числу первых следует отнести сохраняющуюся неуверенность в прочности достигнутой Турцией финансовой стабилизации. Речь идет об общем терпимом отношении действующей власти, и прежде всего самого Р.Т.Эрдогана, к потенциальной возможности смягчения бюджетных и монетарных ограничений. Основные проявления этой терпимости обнаружились на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. и сводятся к нежеланию выстраивать институциональную инфраструктуру, которая делала бы принципиально невозможным возврат к политике инфляционного роста. Речь идет об отказе правительства ПСР в 2009 г. от принятия бюджетного правила, более или менее жестко регламентирующего допустимый размер бюджета, о принципиальном отказе в следующем 2010 г. от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, которому зарубежные эксперты придавали статус внешнего якоря финансовой стабилизации, об окончательно состоявшемся в 2011 г. урезании полномочий независимых регулирующих агентств, призванных оградить экономику от принятия нерыночных решений. Наконец, значимым обстоятельством являются нападки Эрдогана на формально независимый статус Центрального банка. Будучи жестким противником повышения процентных ставок как источника инфляции, Эрдоган затрудняет и замедляет реакцию ЦБТР на изменения конъюнктуры рынка и принятие им мер по защите стабильности национальной валюты. В итоге Турция неоднократно переживала эпизоды смягчения бюджетной политики и роста инфляции, например, в 2016 и особенно в 2017 г., когда рост государственных расходов был использован в целях разогрева экономики. Подобный же эпизод повторился и в 2018 г., однако в данном случае он сопровождался обвалом лиры, сокращением объемов импорта и темпов роста. К августу-сентябрю стоимость национальной валюты по сравнению с началом года упала на 40%. Вопреки неодобрению президента ЦБТР повысил ключевую ставку. Турция оказалась в числе стран-лидеров по уровню процентных ставок, но за счет этого сумела восстановить интерес иностранных инвесторов к национальному рынку.

Описанный мини-кризис 2018 г. разразился в экономике Турции в силу подключения и проявления действия уже второго ряда причин – внешнеполитических. Эрдоган указывал в качестве источника случившегося на «манипулятивные внешние атаки», имея в виду решение США применить в отношении Турции экономические санкции по причине ее отказа выдать задержанного американского пастора Эндрю Брансона.

2019 год принес новые испытания турецкой валюте. Первым событием, вызвавшим неуверенность международных инвесторов в турецком рынке, стали состоявшиеся в марте и оказавшиеся неудачными для правящей ПСР муниципальные выборы. Затем началось развитие нового эпизода конфликта с США. Его причиной стало известие о намерении Турции закупить в Российской Федерации зенитно-ракетные комплексы С-400, что побудило Америку незамедлительно применить санкции на поставки Турции вооружения, а также поставить вопрос о дополнительных ограничительных мерах в рамках закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций». Решение Эрдогана, в свою очередь, было продиктовано подозрениями в причастности США к попытке неудавшегося военного переворота в Турции в июле 2016 г., а также нежеланием американских

властей выдать лидера религиозного движения Хизмет Ф. Гюлена, которого на тот момент Эрдоган считал своим основным идеологическим оппонентом.

2020 год как год дезорганизации международного финансового рынка в условиях пандемии стал очередным испытанием для турецкой экономики. Чистый приток портфельных инвестиций в Турцию за период с 2017 по 2019 г. составил 5,3 млрд долл. Но всего лишь за 13 недель – с начала года и по конец марта 2020 г. общий объем оттока капитала приблизился к 6,5 млрд долл. Как справедливо резюмировала турецкая пресса, деньги, которые Турции удалось аккумулировать за 3 года, улетучились за 3 месяца, как дым [Cumhuriyet, 05.04.2020]. Сокращение предложения валюты на турецком рынке предопределило устойчивый тренд на обесценение турецкой лиры. В итоге к августу 2020 г. лира потеряла 20% стоимости. Согласно подсчетам английской *The Times*, за время пребывания Эрдогана на посту президента, т.е. с 2018 г., курс лиры понизился с 4,73 за доллар до 7,3 [The Times, 17.08.2020], что соответствует не самому низкому значению периода кризиса. Что касается политики Центрального банка страны по защите лиры, он по-прежнему оставался весьма ограничен в своих возможностях. Из относительно положительных моментов экономической динамики следует отметить решение Эрдогана в ноябре 2020 г. об очередной отставке главы ЦБ по обвинению в проведении политики «дорогих» денег и замене его на новую фигуру – Наджи Агбала, которому, очевидно, в качестве первого шага было позволено принять «революционное» смелое решение по защите курса обесцененной лиры – повысить ключевую ставку сначала с 10,25 до 15%, а в самом конце 2020 г. – до 17%. Однако после следующего подъема ставки до 19% в конце марта 2021 г., он также лишился своего поста.

Итак, неуверенность в прочности финансовой стабилизации наряду с ограниченными возможностями монетарных властей поддерживать устойчивость национальной валюты и проактивная, но при этом достаточно авантюристичная внешняя политика Эрдогана сформировали единую группу факторов негативного влияния на объем притока внешнего финансирования на турецкий рынок в последние годы.

Следовательно, препятствия, возникшие на пути использования в прежних масштабах такого важного для Турции фактора роста, как внешние источники финансирования, действительно имеют институциональную природу, но лишь отчасти совпадающую со сложившимся на Западе пониманием институтов развития. Действительно, сомнения в прочности финансовой стабилизации можно считать результатом ограничения деятельности в Турции социально-экономических институтов либерального типа. Однако более полное понимание ситуации требует учета и такого нетрадиционного института, как государственная внешняя политика, что обусловлено внешним происхождением важнейшего драйвера роста – инвестиций извне. Подчеркнем еще раз – в данном случае речь идет о факторе, имеющем изначально безусловно экономическую природу, но сократившаяся интенсивность его использования стала результатом применения/неприменения определенных нетрадиционно широко понимаемых институциональных установок.

Поскольку важнейший фактор роста не утрачен как таковой, но на пути к его использованию возведены препятствия субъективного происхождения, не следует исключать возврат к прежней модели развития, более полагающейся на внешнее финансирование. Но следует обратить внимание и на жесткость позиции Эрдогана в противостоянии с Центральным банком: речь идет о прочных убеждениях президента как представителя школы «национальной экономики» (третьего пути – Н.У.) – национальной разновидности доктрины исламской экономики. Ее основной принцип – финансирование экономического развития неограниченно доступными дешевыми национальными деньгами, а не дорогими иностранными: «Страны, стремящиеся добиться экономического подъема, безусловно, нуждаются в капитале... Мы слышим от [международных кредитных организаций], что производство, финансируемое национальной валютой, создает

инфляцию, но то же самое производство, финансируемое дорогой иностранной валютой, приведет к экономическому росту страны. К сожалению, мы сегодня сталкиваемся с подобной бессмысленной логикой... По этой причине в нашей экономической модели мы предоставляем свободу национальной валюте, не имеющей стоимости (процента) и избавляемся от зависимости от глобальных экономических сил» [Баш, 2011, с. 55].

Принципиальная установка на удержание процентной ставки на возможно более низком уровне способна и впредь снижать привлекательность турецкого рынка для иностранного капитала, а убежденность президента в способности экономики к «самофинансированию» (в действительности инфляционному) делает маловероятным пересмотр позиции. Надежду дает лишь тот многократно доказанный факт, что Эрдоган исповедует «мудрое» отношение к собственным принципам, охотно пересматривая их под влиянием обостряющейся ситуации.

Что касается внешнеполитического выбора страны, то, по всей видимости, воодушевленный ростом «внешнеполитической субъектности» Турции, Эрдоган является апологетом *альтернативного пути успешного* (курсив Н.У.) развития капитализма с сильным элементом государственного участия и, как следствие, – государственного контроля. В результате происходит формирование гибридных норм в рамках авторитарного государственного капитализма, к которым охотно адаптируется Турция, поскольку речь идет не просто о выборе новой парадигмы развития, но и возможности ослабления зависимости от традиционных западных институтов таких, как МВФ, Всемирный банк, и, наконец, ЕС [Öniş, 2019, p. 206].

Итак, погружение в «ловушку среднеразвитости», очевидно, произошло, и вероятность возврата к прежней модели развития следует оценивать как достаточно низкую. В качестве положительного момента следует отметить, что сужаются и перспективы усугубления дисбалансов, выявившихся ранее в макроэкономическом развитии страны. Очевидно, наиболее благоприятным сценарием оказался бы мягкий постепенный переход к новой модели, которую в самой Турции уже нарекли моделью экономики «не потребляющей от мира, а производящей для мира». Речь идет о переходе к производству более высокотехнологичной дорогостоящей экспортной продукции, стоимость которой превосходила бы стоимость импорта – иначе о принципиальном решении проблемы дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Но она предполагает лишь постепенное освобождение от зависимости от внешних источников финансирования, которому должно предшествовать заметное повышение эффективности их использования – на цели перестройки производства, а не поддержки потребления. Так что переходный период замедления темпов роста при более низком, но все же сохраняющемся уровне зависимости от внешних источников, видимо, неизбежен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Баш Х. *Модель национальной экономики. Новая экономическая система*. Казань: ПИК Идел Пресс, 2011 [Bash H. *National Economy Model. New Economic System*. Kazan: PIK Ideal Press, 2011 (in Russian)].

Ульченко Н.Ю. *Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты*. М.: ИВ РАН, 2018 [Oulchenko N.U. *Turkey's Economic Development Patterns' Formation: Institutional Aspects*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Acemoglu D., Ucer M. The Ups and Downs of Turkish Growth, 2002–2015. *NBER Working Papers*, 21608, National Bureau of Economic Research, Inc. 2015. <https://economics.mit.edu/files/11509> (accessed: 11.02.2016).

Bankalarımız, 2009. Ankara: Türkiye Bankalar Birliği, 2010 [*Our Banks*. Ankara: Türkiye Bankalar Birliği, 2010 (in Turkish)].

Banks in Turkey 2010. Ankara: The Banks Association of Turkey, 2011.

Banks in Turkey 2011. Ankara: The Banks Association of Turkey, 2012.

Türkiye'ye 3 yılda giren para 3 ayda buhar oldu. *Cumhuriyet* [The Money that Entered Turkey in 3 years Evaporated in 3 Months. *Cumhuriyet* (in Turkish)] <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiyeye-3-yilda-giren-para-3-ayda-buhar-oldu-1731154> (accessed: 05.04.2020).

Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap. *Achieving Maximum Long Run Growth*. Kansas: Federal Reserve Bank of Kansas City, 2012. Pp. 411–412. http://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2011/Eichengreen_final.pdf (accessed: 02.11.2016).

Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth Slowdowns Redux: Avoiding the Middle-income Trap. *VOX CEPR's Policy Portal*. January 2013. <http://www.voxeu.org/article/growth-slowdowns-redux-avoiding-middle-income-trap> (accessed: 02.11.2016).

Ekonomik Görünüm. Mart 2021. Ankara, T.C. Ticaret Bakanlığı, 2021 [*Economic Outlook*. March 2021. Ankara, Turkey. Ministry of Commerce, 2021 (in Turkish)] https://ticaret.gov.tr/data/5e18288613b8761dccc355ce/Ekonomik%20Görünüm_Mart_2021.pdf (accessed: 03.03.2021).

Ekonomik Rapor 2005. Ankara: TOBB, 2006.

Ekonomik Rapor 2006. Ankara: TOBB, 2007.

Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010.

Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011.

Ekonomik Rapor 2012. Ankara: TOBB, 2013.

Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015.

Ekonomik Rapor 2016. Ankara: TOBB, 2017.

Ekonomik Rapor 2017. Ankara: 2018.

Ekonomik Rapor 2018. Ankara: TOBB, 2019.

İstatistik göstergeler 1923–2008. Ankara: TÜİK, 2009.

İstatistik Göstergeler 1923–2011. Ankara: TÜİK, 2012.

Öniş Z. Turkey under the Challenge of State Capitalism: the Political Economy of the Late AKP Era. *Southeast European and Black Sea Studies*. Apr., 2019. Pp. 201–225. <https://doi.org/10.1080/14683857.2019.1594856> (accessed: 16.05.2020).

Pierini M., Siccardi F. *Why the EU and United States Should Rethink Their Turkey Policies in 2021*. Carnegie Europe. January 21, 2021. <https://carnegieeurope.eu/2021/01/21/why-eu-and-united-states-should-rethink-their-turkey-policies-in-2021-pub-83662> (accessed: 12.02.2021).

The Times: Türkiye'nin Lira'yı kurtarmak için seçenekleri azalıyor [*The Times: Turkey's Options to Save the Lira are Running Low* (in Turkish)] <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-53806530> (accessed: 17.08.2020).

Türkiye İstatistik Kurumu (TÜİK) [*Turkish Statistical Institute* (in Turkish)] <http://www.tuik.gov.tr> (accessed: 02.12.2016).

Türkiye İstatistik Kurumu (TÜİK) [*Turkish Statistical Institute* (in Turkish)] https://tuikweb.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105 (accessed: 15.06.2021).

World Bank Open Data, 2014. <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed: 10.06.2015).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЛЬЧЕНКО Наталия Юрьевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики и экономгеографии стран Азии и Африки ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Natalia Yu. ULCHENKO, DSc (Economics), Head of the Department of Economy and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.